

МОРФОЛОГИЯ ПОЛНОГО СТРАДАТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЯ*

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические категории полных страдательных причастий время, вид, залог, степени сравнения.

Ключевые слова: морфологическая категория, полное страдательное причастие, вид, время, залог.

Морфологические категории причастия тесно связаны с его частеречным статусом, и, как бы ни определялось причастие – как прилагательное, как глагольная форма или как часть речи, – неизменным остаётся одно – причастие обладает признаками двух частей речи, имени прилагательного и глагола. «В причастии «преобладают и главенствуют именные формы (полная парадигма), что и даёт повод относить данную категорию слов (форм) к имени прилагательному. Однако значение процесса не подавлено, а подкреплено категорией вида и времени (и залога). Поэтому причастие обречено быть близкой периферией глагольного слова. Значение причастия «который делается» привязывает его к существительному (субъекту или объекту), а это даёт равные шансы как на статус части речи, так и на статус формы глагола» [1].

Страдательные причастия обозначают признак того, кто испытывает действие, названное исходным глаголом. От глагола причастие получило вид, время, залог, переходность, а также способность управлять зависимыми падежными формами, от прилагательного – полную парадигму склонения и способность образовывать краткие формы.

Итак, у страдательных причастий из глагольных категорий представлены *вид, время и залог*, категория *переходности* у страдательных причастий представлена своеобразно, не так, как у исходных глаголов.

Вид страдательного причастия. Вид страдательного причастия соответствует видовым значениям спрягаемых глагольных форм и инфинитива, такого мнения придерживаются многие авторы: «вместе

с глагольной основой причастие получает вид, вид в причастиях полностью сохраняет специфику грамматического значения вида, свойственного предикативным формам глагола [2]; «Способ выражения видового значения у причастных форм тот же, что у личных и инфинитивных глагольных форм» [3].

Образование причастий настоящего времени от глаголов несовершенного вида продуктивно только в системе некоторых глагольных классов. В.В. Виноградов считает, что «причастия на *-мый* представляют такой морфологический тип, в котором категория действия-состояния явно преобладает над оттенками качественной оценки и даже качественного состояния. Причастия на *-мый* означает делящийся пассивный признак-процесс» [4]. Страдательные причастия настоящего времени в любой синтаксической позиции сохраняют яркое значение глагольности, даже в атрибутивной и в позиции синтаксических актантов, в которых причастие лишено возможности управлять зависимыми падежными формами, поддерживающими его глагольность. Сильную глагольность страдательных причастий настоящего времени В.В. Виноградов объясняет «обостренной» соотносительностью форм типа *исполняемый – исполненный* [5].

Страдательные причастия прошедшего времени образуются от глагольных основ прошедшего времени совершенного вида. От многих переходных глаголов не образуются параллельные формы причастий, которые были бы противопоставлены по видо-временным значениям. Кроме того, в причастиях совершенного вида сильно значение перфектности, что может усиливать семантику результативного состояния, и в свою очередь, способствовать развитию значений качественности в причастных формах.

Видовые значения страдательных причастий выражаются с помощью суффиксов и приставок: *Её спелёнутое тело / Сложили в молодом лесу* (А. Блок); *...серый пепел образовал две фигуры с раскинуты-*

* © Замятина И.В.

ми руками (М. Успенский).

Время страдательного причастия.

Главный вопрос, связанный со значением времени причастных форм – это вопрос о характере временного значения – абсолютного или относительного. «Временные значения причастий, как и других глагольных форм могут быть как абсолютными (*Чуть шелестят листья берёз, едва колеблемые ветром*) и относительными (*Он заметил играющих детей*) [6]. Л.П. Калакуцкая предполагает, что время причастия может быть только относительным [7]. В.И. Чуглов высказывает предположение о том, что, поскольку причастные формы парадигматически связаны с финитными формами глагола, то категория времени причастий имеет опосредованно-абсолютный характер. «Формы времени у причастий выражают те же модальные и временные значения, что и финитные формы представляемых субстантивными группами с причастиями исходных высказываний» [8].

В последнее время высказываются мнения о существовании причастных форм, имеющих значение будущего времени. Так, М.Я. Гловинская говорит о широком употреблении форм действительных причастий будущего времени в текстах Интернета, что обусловлено, во первых, отсутствием редакторской цензуры, во вторых, коммуникативными потребностями. В качестве примеров автор приводит примеры массового употребления действительных причастий будущего времени, которые перестали носить спорадический характер в языке Интернета и примеры выстраивания падежной парадигмы несклоняемых существительных [9].

М.Я. Гловинская приводит примеры форм будущего времени только действительных причастий, а между тем существуют и более радикальные мнения о возможности образования форм будущего времени в системе страдательных причастий.

М. Эпштейн подходит к вопросу о причастиях будущего времени радикально, он считает, что причастия будущего времени могут образовываться как в системе действительных, так и в системе страдательных причастий, то есть, в его статьях развивается идея Мелетия Смотрицкого, высказанные в 17 веке. М. Эпштейн обращает внимание на формы типа *достижимый*, *заменимый*, *вообразимый*, *допустимый* и

т.п., автор считает, что это страдательные причастия будущего времени, «с позиций действующих грамматик вообще нельзя определить, к какой, собственно, морфологической категории относятся слова типа «достижимый» или «заменимый» [10] www.mapryal.org/congressXI/materials/plenarye_napravleniya/epsntein].

Несмотря на некоторую категоричность и популизм статьи вышеназванного автора, нельзя не признать, что формы типа *сделаемый*, *признаемый* и им подобные теоретически возможны, однако грамматики фиксируют такие формы, которые реально функционируют в языковой системе, а приказать грамматической системе употреблять ту или иную форму невозможно. Пока формы типа *сделаемый*, *сотворимый*, *испытываемый* употребляются только окказионально, даже в Интернете – по запросу *сделаемый* поисковая система Яндекса выдала только 59 ссылок, причём половина ссылок было на вышеупомянутую статью и связанные с ней дискуссии, а половина – на лингвистические форумы, где обсуждались проблемы будущего времени причастий. Мы не можем сейчас с уверенностью сказать, является ли эта форма утраченной или приобретённой, для доказательного обоснования такого утверждения необходимы факты, которыми мы не располагаем.

Что касается форм типа *достижимый*, *заменимый*, то они действительно образованы с помощью причастных суффиксов, от глаголов совершенного вида, а между тем мы знаем, что «глаголы совершенного вида образуют только причастия настоящего времени» [11]. Причастие может употребляться в составе причастного оборота, синтаксической позиции, первичной для этой формы, – в составе причастного оборота причастная форма реализует свойства глагола и прилагательного: оно управляет зависимыми падежными формами и в то же время выполняет функцию определения. Для страдательного причастия характерна потенциальная субъектная валентность, которая реализуется формой творительного падежа со значением агенса. Форму типа *достижимый* трудно представить в составе причастного оборота, да ещё с реализованной субъектной валентностью – *Уровень знаний, достижимый всеми, должен быть принят в качестве ориентира*. Слова типа *достижимый*, по-видимому, исторически

связанные с причастиями, но за тысячу лет их существования в системе русского языка они полностью потеряли все глагольные свойства и перешли в систему имён прилагательных, у них нет даже омонимов в системе причастий.

Выше мы говорили о том, что формы времени у причастных форм часто оказываются непротивопоставленными, так как иногда образование причастий, находящихся во временной оппозиции, от одного глагола, невозможно. Утрата временного значения как специфического глагольного признака усиливает качественное значение причастий, и особенно легко утрата временного значения происходит у тех причастий, которые не образуют видо-временные соотносительные пары [см.: 12].

При рассмотрении категории залога прежде всего обращается внимание на выражение залоговых значений в глагольных формах и в грамматической системе кратких причастных форм. В системе полных причастий залоговые формы противопоставляются друг другу более формально и ярко, чем в системе финитных глагольных форм, полные страдательные причастия также способны образовывать пассивную конструкцию и, следовательно, тоже входят, по образному выражению В.В. Виноградова, в «клубок» русских залоговых проблем. Л.П. Калакуцкая высказывает, по-видимому, крайнюю точку зрения на соотношение залога причастных форм и финитных форм глагола: автор считает, что категория залога присуща только причастным формам, в системе финитных глагольных форм залог отсутствует как категория [13]. В.И. Чуглов считает, что категория залога у причастий «менее глагольна, чем у финитных форм и имеет явно атрибутивный характер. Это проявляется в том, что залоговые различия характеризуют уже не высказывание, а то, что обозначается определяемым существительным залог причастия не соотносён с соответствующей глагольной формой» [14].

Значение страдательного залога выражается суффиксами и «поддерживающей» залоговое значение формой творительного падежа со значением деятеля. Мы предполагаем, что пассивные конструкции с полными страдательными причастиями образуют своеобразное залоговое поле, в центре которого находятся конструкции с

творительным-агентом, а на периферии – пассивные конструкции с валентностно обусловленными формами творительного падежа, имеющими другие значения, опосредованно связанными со значением агенса. Пассивная конструкция реализуется в препозитивных и постпозитивных причастных оборотах, степень свободы её реализации, продуктивность пассивной модели зависит от того значения, которое причастная форма принимает в контексте. Валентностно обусловленная форма творительного падежа со значением активного деятеля сильнее других форм акцентирует в причастной форме глагольную семантику. Нами отмечено, что наиболее стабильно форма творительного-агенса употребляется со страдательными причастиями настоящего времени, что может быть обусловлено яркой глагольностью этих форм.

Переходность страдательных причастий, шире – способность к управлению зависимыми падежными формами не всегда соотносится с исходным глаголом. Страдательные формы причастий образуются, как известно, от переходных глаголов, но способность переходного глагола управлять формой прямого винительного падежа со значением прямого объекта не передаётся страдательному причастию. Управление «переворачивается» – прямой винительный со значением объекта переходит из управляемой позиции в позицию главного слова атрибутивной синтагмы, форма страдательного причастия согласуется в роде, числе, падеже с существительным (местоимением). Форма винительного падежа со значением объекта, которая управлялась исходным глаголом, в составе субстантивной группы (причастного оборота) сохраняет объектное значение, приобретая также значение субъекта состояния: *...И, сохранный судьбой, / Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной* (А. Пушкин) – *сохранить строфу; сложить строфу*.

В некоторых синтаксических позициях и в разных контекстах объектное значение бывшей приглагольной управляемой формы может бледнеть, а субъектное значение начинает преобладать. В других случаях страдательные причастные формы сохраняют управление исходного глагола.

Причастие – гибридная глагольно-прилагательная форма (смешанная часть

речи), в которой соединяются грамматические признаки и лексические значения глагола и прилагательного. Категориальное значение причастия – признак по отношению к действию, это значение выражается частными морфологическими категориями. Значение качественного признака в причастных формах может усиливаться или ослабляться в разных синтаксических позициях, хотя значение признаковости, несомненно, присутствует в любом случае употребления причастной формы. Степень проявления значения признака в причастной форме может выражаться в формах сравнительной степени или в реализации лексической валентности причастных форм, характерной для качественных прилагательных, например, в сочетании с наречиями меры и степени. Степени сравнения причастий могут реализовываться в тех синтаксических позициях, где причастие лишено глагольного управления, и, следовательно, в нём акцентировано значение признака. Приведём примеры употребления причастных форм, которые можно квалифицировать как формы аналитической превосходной степени: *Самым изощрённым сочинителем широкого профиля был у нас Влад Распадов...* (В. Войнович) – форма *изощрённый* в данном контексте проявляет чётко выраженное качественное значение, определяет существительное со значением субъекта состояния, хотя и сохраняет связь с исходным глаголом *изощрить*. И *...на всё смотрела с мудрой улыбкой Бодисатвы. Это могло смутить даже самого уравновешенного человека* (Д. Рубина) – как и в предыдущем случае, форма *уравновешенный* имеет сильную степень качества, что проявляется в морфологической аналитической форме превосходной степени, и, несмотря на это, причастная форма сохраняет связь с исходным глаголом *уравновесить*. В некоторых случаях причастные формы с качественным значением реализуют семантическую валентность, характерную для качественных прилагательных – сочетаются с наречиями меры и степени: *Всю эту ночь и утро Левин чувствовал себя совершенно изъятым из условий материальной жизни* (Л. Толстой) – в данном случае причастие управляет предложноподлежащей формой, обусловленной его словообразовательной структурой и в то же время реализует лексическую валентность,

характерную для качественного прилагательного, что является отражением двойственной природы причастных форм.

Итак, страдательные причастия – формы, сочетающие грамматические и лексические свойства двух частей речи – глагола и прилагательного. К глагольным свойствам относятся: вид, семантически совпадающий с видом исходного глагола, в ряде случаев причастные формы не противопоставлены по виду; время, не совпадающее с глагольным, система времени страдательных причастий по сравнению с глагольным временем урезана, традиционно выделяются страдательные причастия настоящего и прошедшего времени; залог страдательных причастий является более формальным, чем залог глагола и чётко противопоставленным, в отличие от глагольной системы, в системе причастий мы наблюдаем бинарную систему залога; переходность страдательных причастий выражается иначе, чем у глагола.

Морфологические признаки прилагательного в причастной форме: причастная форма имеет полную парадигму имени прилагательного; при определённых условиях и в определённом контексте значение причастных форм может сдвигаться к полюсу качества, они образуют степени сравнения и реализуют лексическую валентность качественных прилагательных, сохраняя при этом семантическую связь с исходным глаголом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 16.
2. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. – М., 1971. – С. 36.
3. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – С. 226.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 226.
5. Там же.
6. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. – М., 2003. – С. 476.
7. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. – М., 1971. – С. 11-12.
8. Чуглов В.И. Категории залога и времени у русских причастий // Вопросы языкозна-

- ния. – М., 1990. – № 3. – С. 60.
9. Гловинская М.Я. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // Русский язык. Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Труды и материалы. – М., 2007. – С. 180.
10. М.Эпштейн www.mapryal.org/congressXI/materials/plenarnye_napravleniya/
11. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. – М., 2003. – С. 477.
12. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 227.
13. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. – М., 1971. – С. 33.
14. Чуглов В.И. Категории залога и времени у русских причастий // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 3. – С. 14.

I. Zamyatina
MORPHOLOGY OF FULL PASSIVE PARTICIPLE

Abstract: Morphological categories of full Passive Participle of time, aspect, mood, degree of comparison are being analyzed in the article.

Key words: morphological category, full Passive Participle, mood, time, aspect.

УДК 811.161.1'367

Лаврентьев В.А.

ЗНАЧЕНИЕ ОБОБЩЕННОСТИ ЛИЦА*

Аннотация: В статье рассматриваются способы выражения обобщенного лица в двусоставных и односоставных конструкциях; описываются структурно-семантические особенности обобщенно-личных предложений и выделяются их группы по степени градации; выявляются модальные оттенки значения обобщенности.

Ключевые слова: лицо, семантика, обобщенность, предложение.

Категория синтаксического лица, одна из трех предикативных категорий русского языка, не раз становилась объектом исследования (работы В.В. Виноградова, П.А. Леканта, Н.Ю. Шведовой и др.), однако утверждать, что названная категория изучена всесторонне и достаточно полно, что решены все спорные вопросы, не представляется возможным.

Синтаксическое лицо (шире – персональность) выполняет в языке различные функции, одной из которых является действительная. Выделяются «два основных типа персонального дейксиса (что соответствует традиции изучения категории лица): 1) конкретный (конкретно-личный и предметный), 2) неконкретный дейксис – обобщенно-личный и неопределенно-личный»

[1]. Говоря об обобщенно- и неопределенно-личных предложениях, А.М. Пешковский отмечал, что они представляют собой «две особые формы мышления говорящего по-русски человека» [2]. Указанная цитата подчеркивает яркость и специфичность этого явления.

В статье анализируется значение обобщенности лица, которое понимается как «соотнесение ситуации, лишенной конкретной референции (ситуации повторяющейся, обычной или «вневременной»), и ее участников с обобщенным классом лиц, включающим говорящего: а) как носителя своего опыта или б) как человека, представляющего и разделяющего (нередко предполагается: вместе со слушающим) опыт и суждения обобщенного (вплоть до масштаба «люди вообще») класса лиц» [3]. Обобщенность лица «может иметь различное конструктивное воплощение» [4], однако основным (изосемическим, ядерным) средством выражения обобщенности лица в современном русском языке являются обобщенно-личные предложения. Под обобщенно-личными предложениями мы понимаем *односоставные* предикативные единицы, в которых главный член выражен формой 2-го лица единственного или множественного числа изъявительного или повелительного наклонения, формой 3-го лица множест-

* © Лаврентьев В.А.